

Глава 18. Часть 16. Это мой приказ, а не твоя ответственность

Словно в подтверждение сведений, полученных от владельца лавки, количество [Сделок] у Соуши и Икки в последнее время заметно возросло.

Был ли это коллективный инстинкт толпы, решившей устроить бойкот новичкам, или же спланированная и скоординированная атака? В условиях нехватки данных Соуши не спешил с выводами, хотя, по правде говоря, в самом анализе причин нужды уже не было.

Несмотря на то что при их с Икки уровне мастерства подобная частота атак еще не стала критической помехой, наметилась тенденция, которая не сулила в будущем ничего приятного.

«Как же нам поступить?» — всерьез размышлял Соуши, привыкший просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед.

Стояла глубокая ночь. Только что вернувшись из [Финансового квартала], Соуши выкроил редкую минуту отдыха в стенах своего общежития. Перед ним замерла шахматная доска, на которой партия уже перешла в стадию миттельшпиля.

В Институте никто не осмеливался садиться с ним за игру, зная о его пугающем превосходстве, поэтому Соуши чаще всего сражался сам с собой. Для него это было своего рода «разумным отдыхом». Когда Икки только вернулся, Соуши попытался вовлечь его в игру, но тот, едва сделав несколько ходов, обиженно воскликнул:

— Соуши, ну это же просто издевательство!

С тех пор Соуши оставался единственным достойным соперником для самого себя. Впрочем, так было даже удобнее — подобное занятие идеально подходило для его разума, привыкшего к многопоточной обработке информации.

Его появление на той улице уже давно перестало быть тайной: табло, парящее над [Площадью банка Мидаса], во всеуслышание объявило о новом [Предпринимателе].

«Вероятно, мой призыв в Квартал стал своего рода сигналом: реальный мир стабилизировался настолько, что экономика вновь готова к росту», — рассуждал он.

Если следовать этой логике, то его вступление в игру выглядело вполне закономерным. К тому же другие [Предприниматели], завидев, что затяжная война окончена, явно вознамерились вернуться в реальный мир. Безусловно, это было добрым знаком. Застоявшемуся, как мертвая вода, рынку этой странной улицы давно требовались перемены.

Однако если эти люди планируют использовать силу, накопленную в [Финансовом квартале], чтобы подмять под себя новорожденное общество — дело принимает совсем иной оборот.

По словам старожиллов, Квартал был закрыт слишком долго. Внутри него созрела собственная автономная система власти. Захотят ли те, кто привык к своему исключительному положению, добровольно отказаться от привилегий и начинать все с нуля в мире, едва оправившемся от хаоса войны? Соуши сомневался, что люди, для которых погоня за прибылью стала инстинктом, способны на подобное бескорыстие.

Он слегка склонил голову, подперев щеку рукой, и задумчиво вертел в пальцах белую фигуру. Поза его казалась расслабленной, почти ленивой, но он оставался предельно сосредоточенным на шахматной доске.

Теперь он был вызовом для всей старой системы. Если местный «король» окажется человеком, с которым можно договориться — прекрасно. А если нет?

Судя по тому приему, который оказали им с Икки, этот «король» вряд ли отличался благодушием. Или же их нынешнее положение — лишь проверка на прочность, санкционированная сверху?

«В таком случае... как лучше атаковать короля?» — этот вопрос занимал его больше всего.

— Икки.

На этот внезапный зов Икки, всегда незримо присутствовавший рядом в параллельном пространстве, отозвался без малейшего удивления, мягко и коротко:

[М?]

Соуши не стал смотреть на свою [Карту Мидаса]. Его взор по-прежнему был прикован к шахматному сплетению на доске.

— Похоже, в ближайшее время тебе придется несладко, — произнес он тихим, ровным голосом.

[Ничего страшного,] — в интонации Икки слышалась беззаботная улыбка.

Пока Соуши переставлял фигуры, Икки молча наблюдал за ним, думая о том, насколько красив и величествен его друг в такие моменты предельной концентрации. Разумеется, он не стал говорить об этом вслух — не из-за робости, а просто потому, что сейчас это было не самым важным.

— Возможно, нам стоит довести одного-двух [Предпринимателей] до банкротства, — как бы между прочим продолжил Соуши. — Это создаст нужный резонанс и продемонстрирует твердость нашей позиции.

При этих словах в голосе Икки промелькнуло беспокойство:

— Но ведь если их изгонят как банкротов, с ними наверняка случится беда...

Соуши на мгновение поднял взгляд, в котором сверкнула сталь:

— Запомни: это мой приказ, а не твоя ответственность.

— Понимаю, — Икки улыбнулся, и в его взгляде заплясали теплые искорки.

Он знал, почему Соуши говорит именно так. Тот просто не хотел, чтобы Икки терзал себя муками совести.

Так было и раньше, во время переговоров с Канон, когда та еще была пилотом Армии Человечества. Соуши понимал: если Канон активирует [Взрывчатку Фенрир], Икки, находящийся в эпицентре, пострадает первым. Чтобы предотвратить это, он тогда отдал приказ убить её.

В конечном счете Соуши всегда стремился защитить его — и даже эта его холодная фраза про «приказ» была лишь попыткой облегчить психологическую ношу друга.

Вспоминая прошлое, Икки невольно улыбнулся еще нежнее. Его голос звучал мягко, но с непоколебимой уверенностью:

— Пока мы вместе, нам все по плечу, верно?

Соуши не ответил, но в его взгляде, устремленном на доску, проступило едва заметное торжество. словно завершая мысль, он решительно поставил белую фигуру прямо перед черным королем.

Раздался сухой, отчетливый стук дерева о доску.

— Шах и мат.

<http://bllate.org/book/17427/1658014>